

К твоим брегам, река родная,
Уж боле мне не приходиться,
И на струи твои, азирая
Воспоминаний не будить.

Скиталец по свету, без цели
На юг я север променял
И звук пастушечей свирели
На моря гул; и грозный вал

С таким же вниманием Н. Любимов относится к Куру по поводу его наводнения в 1871 г. в своем стихотворении, под названием:

НАВОДНЕНИЕ 13 июня 1871 г.

Вот штуку выкинул нам Кур,
Как будто Волга или Амур,
Так раскутился черезчур;
Понес мосты, посмыл дома..
Ну, словом, Кур сошел с ума;
А все из зависти подлец.
Увидя ясно, наконец,
Что Тускарь скромно так течет,
Лишь в полноводие зальет
И то Стрелецкую одну;
А душу не пошлет ко дну.
За то и хвалится река,
Хоть и не слишком глубока.
Постойте ж, думает, вот я,
Пораспотешу Вас, друзья.
И точно, с помощью дождей

Мне заменил невинный ропот
Твоей незлобной волны;
И тростников прибрежных шопот,
И сладострастие тишины.

Приветно берет орошая,
Теки, Слала, своей чредой;
А мне, скитальцу в край изкрая,
Не любоваться мне тобой.

Припел к концу свой плян злодей,
Взбесился и засвирипел,
Как море пеной закипел,
Залил жилища бедняков,
И даже, господа, каков!
Не пощадил и кабаков.
Но вот за то-б его плетью:
Что женщину с двумя детьми
В своей пучине схоронил.
Едва об этом Сейм узнал,
Не долго думая сказал:
Зачем же шлюзы не открыли?
Или о них совсем забыли?
Где ж в это время власти были?
Где были? Мы о том молчек:
Тут роль играет комарек.

В 1895 году поэт Александр Мартакон в таких словах воспеваеет родной ему Псел:

Широкий Псел—река родная
Средь дикой прелести степей
Стремишься ты,—волной играя,
В пучину дальнюю морей...

Там под лазурью неба ясной,
Ты, Псел, широкий, Псел родной,
О славе родины прекрасной
Расскажешь ты стране чужой.

В своих бессмертных сказках, именно в „Сорочинской Ярмарке“ Гоголь пишет о реке Псле:

„Глазам наших путешественников начал уже открываться Псел; издали уже веяло прохладою, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь темно—и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей, засверкали огненные, одетые холодом искры, и река—красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она, в те упительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русской головы, волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам, ее конца нет,—она почти каждый год переменяет свои окрестности, выбирает себе новый путь и окружает себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжелые свои колеса широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги,